

ПРОДАНА ОБОРОТНЯМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КРИС КАРВЕР

18+

Крис Карвер

Продана оборотням

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69264016

SelfPub; 2023

Аннотация

Родной отец продал меня двум чудовищам – братьям-оборотням, которые имеют полное право делать со мной все, что захотят. Я не могу сбежать, ведь иначе они убьют моего брата. Теперь моя жизнь изменится навсегда. Но тех ли людей я считаю чудовищами, или же меня обманывали всю мою жизнь?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	52
Глава 8	58
Глава 9	66
Глава 10	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Крис Карвер

Продана оборотням

Глава 1

– Что с ней? Она вообще соображает или отсталая?

Слышу голос как будто со стороны, хотя говорящий стоит прямо передо мной.

Чувствую сильный удар в спину и падаю, отбивая колени о пол. Это очень больно. Но не больше хлесткой пощечины предательства, от которой у меня внутри все полыхает.

– Голос подай, если сдохнуть не хочешь!

Понятия не имею, что говорить. На языке кроме оскорблений и проклятий ничего не вертится.

Хотя, какие еще чувства я должна испытывать к отцу, который собирается меня продать?

У меня в заднем кармане джинсов маленький нож. Отец знает, что он там, просто сейчас, должно быть, забыл, когда замаячили хрустящие банкноты на горизонте.

Воротит.

От него и от себя. От того, что стою на коленях и ничего не делаю.

Это все глупо.

Человека передо мной все зовут Покупатель. Он приезжа-

ет к нам в деревню раз в пару лет и выбирает одну молодую девушку. Отдает за нее кучу денег, забирает и больше никогда не возвращает.

Так было с моей лучшей подругой Оливией три года назад.

Когда ее забрали, мне было всего пятнадцать. Я кричала и бежала за машиной, увозящей ее за забор. Она смотрела в заднее стекло и плакала. А я бежала. Бежала и бежала, пока ворота за машиной не закрылись, и меня не откинуло ультразвуковым барьером назад.

Родители Оливии тогда построили новый дом, купили несколько машин и начали устраивать большие праздники, приглашая всех жителей деревни, словно ничего не случилось. Словно Оливии не существовало.

С того дня, когда ее забрали, при мне всегда был нож. Я умело им пользовалась, но сейчас...

Сейчас я понимаю, что это не имеет смысла.

У Покупателя за спиной трое амбалов с пистолетами в руках. Стоит мне дернуться – и меня пристрелят. На долю секунды это кажется мне приятной перспективой, ведь лучше смерть, чем попасть в лапы к оборотням.

Но я знаю, что сделай я это, они отыграются на Аароне. Моему брату всего двенадцать. Он этого не заслужил.

– Как тебя зовут? – спрашивает Покупатель. На вид ему лет пятьдесят, но все знают, что оборотни живут очень долго. Ему может быть и сто, и двести лет.

Чувствую, как отец толкает меня носком ботинка в ногу.

Прокашливаюсь и шепчу:

– Джульетта.

– Ух ты. Очень романтично, – произносит Покупатель.

Хочется плюнуть ему в лицо или подняться на ноги и повалить его на пол, чтобы бить, пока не устанет рука.

Прикусываю щеку изнутри и поднимаю голову так, чтобы видеть Аарона. Он напряжен – сдерживает слезы.

Это произойдет. Меня продадут, и я ничего не смогу сделать, потому что иначе... Что-то случится с Аароном.

Все помнят эту историю пятилетней давности. Тогда девушка попыталась сбежать, и всю ее семью убили, а ее все равно забрали.

Это неизбежно.

Я знала это давно – так будет. Я видела это по тому, как отец отгораживается от меня, как он вынашивает презрение ко мне, как он стирает из своего сердца малейшие намеки на чувства...

Потому что знает, что продаст. Заранее знает.

Слышу, как отец пытается что-то сказать, но вдруг Аарон перебивает его.

– Зовите ее Джулс, – просит он мягко. – Ей так больше нравится.

Я закрываю глаза и обещаю сама себе, что вернусь. Вернусь и заберу его.

* * *

Мы едем уже несколько часов. Я понятия не имею, куда именно – у меня на глазах повязка, которую надели, как только мы пересекли границу.

По обе стороны от меня сидят амбалы. Они такие здоровенные, что я едва умещаюсь между ними на заднем сидении машины.

Они люди. Как и Покупатель, что сидит впереди, рядом с водителем. Настоящих оборотней никто из нас не видел ни разу.

Они не занимаются мелкими делишками, для этого у них есть посыльные. Принести, подать, купить, убить. Сделать все, что угодно. Для этого они и покупают себе людей.

Есть и другие Покупатели, которые отбирают не только девушек, но и парней, будущих охранников и воинов. Мы слышали об этом, но из нашей деревни парней ни разу не забирали. Видимо, неурожайные годы. Хотя, я уверена, многие мои бывшие одноклассники мечтали быть избранными в волчью стаю. Но нет никаких критериев, по которым Покупатели выбирают "товар". Это всегда неожиданный выбор, часто нелогичный и странный.

Никто из нас никогда не знает, что там – за забором. Мы рождаемся, стареем и умираем, слыша лишь домыслы. Страшилки, легенды. Слухи и отголоски.

Одно я знаю точно – ничего хорошего от оборотней ждать не стоит.

И то, что теперь моя жизнь в корне изменится – неоспо-

римый факт.

В какой-то момент от усталости, боли и жуткой тряски меня клонит в сон. Я чувствую, как голова опускается на плечо охранника, сидящего рядом, но ничего не могу поделать – я засыпаю.

Когда просыпаюсь – меня уже тащат волоком по земле. Ноги от долгого сидения затекли, а невозможность видеть что-либо перед собой дико раздражает.

Машинально я пытаюсь сопротивляться, вырваться, но получаю лишь угрозы и толчки в бок.

– Эй, полегче там с ней! – рявкает Покупатель, и хватка на моем локте ослабевает. – Джеку это не понравится.

Цепляюсь за имя.

Джек.

Это тот, для кого меня выкупили? Мой палач? Хозяин, господин? Мой работодатель? Кто он?

Чувствую мягкую землю под ногами, а потом – твердую поверхность пола. Слышу скрип двери, затворяющийся за собой.

Когда с меня снимают повязку, яркий свет слепит так сильно, что какое-то время я моргаю, не в силах восстановить зрение.

Проходит не меньше минуты.

Когда, наконец, у меня получается оглядеться – я стою в пустой комнате, полностью обитой деревом, и амбалов во-

круг меня нет.

На секунду кажется, что я совсем одна, и я тянусь к заднему карману, чтобы вытащить нож, но тонкий женский голос меня останавливает.

– Я бы не делала этого на твоём месте, Джульетта.

Поворачиваюсь за звук.

В самом углу, в полумраке комнаты, стоит девушка. На вид ей не больше, чем мне. Её темные волосы собраны сзади в косу, карие глаза ярко горят, а улыбка вызывает какой-то жуткий неподдельный страх.

Не понимаю, почему.

Она худая, маленького роста, при желании я могу справиться с ней за пару минут.

Но я подсознательно её боюсь.

Этот страх, он идет откуда-то из глубины, как будто все внутри меня сопротивляется ей – её внешности, её голосу, её улыбке.

Понимаю.

Она оборотень.

Она – волчица.

Пока я рассматриваю её, не зная, как себя вести, она подходит и протягивает руку ладонью вверх.

– Отдай его мне. Пожалуйста.

Эта её вежливость звучит хуже, чем если бы она кричала.

Сглатываю и вынимаю нож из кармана.

Пока делаю это, размышляю – каковы мои шансы против

нее? Если я быстро всажу нож ей в горло – с какой скоростью она восстановится и сможет схватить меня? Если я попаду в артерию, она умрет? Они вообще умирают?

– Отдай, Джульетта, – продолжает она с той же улыбкой. – Я знаю, о чем ты думаешь – у тебя не выйдет.

Она умеет читать мысли? Или все, о чем я думаю, написано у меня на лице?

Понимаю, что она права. Даже если мне удастся ранить ее – за этой дверью наверняка ждут охранники. Я не должна действовать опрометчиво. Я должна хорошенько все взвесить. Нужен надежный план.

Вкладываю нож в ее руку и тут же чувствую себя хуже.

– Спасибо, – произносит она. – Меня зовут Айрис. Я тебе помогу.

Вопрос, с чем именно она собирается мне помогать, так и остается не заданным.

Айрис берет меня под руку и ведет в соседнюю комнату. В ней так же мало света – небольшое окно закрыто плотными шторами. Но здесь больше места, стоит кровать и зеркало у стены.

Я вижу белое платье на кровати. Оно больше похоже на ночную сорочку – короткое и свободное, с кружевом, бегущим по воротничку.

– Это для тебя, – говорит Айрис. – Надень его и распусти волосы. Я подожду в соседней комнате.

Я оглядываюсь, и она ловит мой взгляд до того, как выйти.

Я читаю в ее глазах: «Не делай глупостей, иначе будет хуже», а потом остаюсь одна.

Глава 2

Надеваю платье, и тут же чувствую себя голой.

Оно слишком короткое, а ткань – полупрозрачная, и мне тут же хочется прикрыться, чтобы не сгореть от стыда.

Распускаю волосы, как и сказала Айрис, и выхожу.

Она пристально осматривает меня, после чего хмыкает.

Я жду, что она даст мне шарф или плед, хоть что-нибудь, но этого не происходит, и вскоре я начинаю дрожать от холода, стоя босая посреди комнаты в тонком платье.

Единственное, что спасает – мои длинные медного цвета волосы, которыми я прикрываю торчащие из-под платья соски.

– Нужно смыть макияж, – говорит она, наконец, и я хмурю брови.

– Что?

– Твои ресницы, губы... Нужно смыть всю краску.

– Но я не накрашена...

Это правда. Я в жизни не пользовалась косметикой, разве что, когда со мной была Оливия, она заставляла меня накрашивать губы блеском для школьной вечеринки.

Сейчас это все кажется каким-то далеким, забытым сном.

В голове поселяется мысль – а вдруг я встречу Оливию сейчас? Здесь? Вдруг я попаду туда же, куда и она? Интересно, как сложилась ее жизнь, узнает ли она меня вообще сей-

час, спустя три года?

Тем временем Айрис подходит ко мне и, взяв за подбородок, рассматривает лицо.

– И правда. Поразительная естественная красота.

Она улыбается, но я не разделяю ее веселья.

Как бы я не храбрилась, какой бы сильной себя не ощущала, на самом деле, в глубине души мне чертовски страшно. И этот страх затмевает все остальные чувства.

– Ты готова, – произносит Айрис с гордостью.

Я чувствую тошноту.

Мне снова натягивают на голову повязку, снова сажают в машину, но на этот раз рядом со мной сидит Айрис, и, как бы она не пугала меня, это все равно лучше, чем те два амбала.

– Зачем закрывать мне глаза? – спрашиваю я. – Вряд ли от вас можно сбежать.

– Это не от побега, – отвечает Айрис. – Просто тебе пока рано видеть все.

Что она подразумевает под «всем» мне неясно.

Я чувствую дрожь, но в машине работает печка, и ноги мои отогреваются.

Пока мы едем, я пытаюсь выпытать у Айрис хоть немного информации.

– Кто мой покупатель? – спрашиваю я.

– Его зовут Джек.

Я жду, что она продолжит, но, кажется, это весь ее ответ.

Поэтому продолжаю.

– И чем он занимается?

– Скоро узнаешь.

– Кем я буду для него?

– Скоро узнаешь.

– А ты кто такая?

– Айрис.

Медленно начинаю закипать.

– Айрис. Есть ли хоть что-то, что я могу узнать прямо сейчас?

– Нет.

Мне кажется, ей доставляет удовольствие издеваться надо мной.

Поэтому я вжимаюсь в спинку сидения и всю оставшуюся дорогу молчу.

Когда машина останавливается, я пытаюсь выбраться, но дверь с моей стороны заблокирована. Поэтому я просто жду, когда ее откроют.

Айрис выходит первой, обходит машину и подает мне руку, чтобы я могла выйти за ней. После чего она развязывает мне повязку, и я оказываюсь прямо перед огромным помещением, окруженным со всех сторон высоким забором и жилой изгородью.

Я не успеваю ни удивиться, ни восхититься – ворота перед нами открываются, и мы входим на территорию.

Дыхание у меня перехватывает.

В нашей деревне все дома были одинаковыми. За исключением тех поселенцев, кто разбогател, продав дочь, сестру или племянницу, и отстроил себе новый дом. Но даже их дорогие, дурно украшенные коттеджи в несколько этажей не шли ни в какое сравнение с этим...

Кажется, что лужайке нет края и конца. Все поместье утопает в зелени, в солнечном свете и чистоте. К небу тянутся густые, напитанные влагой и жизнью сосны, а стены забора все ширятся, ширятся в стороны, словно собираются обнять кого-то своими гигантскими лапами.

Я охаю.

Дом огромный и такой, каких я даже в книжках никогда не видела. Облака, как пушистые хлопья сахарной ваты, нависают над высокой белой крышей, кажется, еще чуть-чуть, и зацепятся за острые шпили. Башенки, лестницы, балконы и отдельные маленькие постройки, стоящие в стороне...

Сколько же человек здесь живет?

Мои босые ноги тонут в мягком газоне, и я, набравшись смелости, ступаю вперед на пару шагов...

Но тут же рука Айрис меня останавливает.

– Наберись терпения, Джульетта, – говорит она, и я спускаюсь с небес на землю.

Точно.

От этой красоты я забыла, где нахожусь.

Хмуро смотрю на нее, а потом – прямо перед собой.

И вижу его.

Сначала это просто маленькая точка, движущаяся по основной лестнице вниз. Потом точка начинает медленно превращаться в фигуру.

Чем ближе он подходит, тем отчетливее я могу видеть его высокое, крепкое тело. Он достаточно широк в плечах, но это не мешает ему двигаться так плавно, что в какой-то момент мне кажется, словно он плывет по воздуху, а не идет.

Я смотрю, как замороженная. Даже, кажется, рот приоткрываю. Он приближался, а я не могу отвести взгляд. Понятия не имею, как с ним общаться, как смотреть и что говорить...

Айрис в очередной раз словно читает мои мысли. Она наклоняется и шепчет:

– Молчи, пока он не обратится к тебе лично.

Я киваю.

Даже если хотела бы – не смогла бы произнести ни звука.

Не знаю, что это. Страх или любопытство? Или какая-то волчья магия, которая делает тебя слабым перед ней, подчиняет волю и разум?

Но я молчу.

Молчу и смотрю на него, пока он не подходит настолько близко, что я могу рассмотреть его лицо.

Оно не похоже ни на одно лицо, что я когда-либо видела. Полностью человеческое, оно почему-то обладает такими чертами, что становится ясно – перед тобой оборотень. Ост-

рые скулы, прямой подбородок, плотно сжатые в полоску губы, обрамленные волосками едва пробившейся щетины, но главное...

Главное – это его глаза. Большие синие глаза, которые смотрят на меня, не моргая. Черные ресницы не дрожат, лоб не прорезает морщинка. Он весь словно слеплен из глины или высечен из камня, только почему-то дышит и двигается.

Он не похож на человека. Да, он едва ли вообще человек. Сильное, жестокое существо, способное разбить меня на осколки, это ясно по одному его взгляду.

Мне кажется, сейчас я рухну в обморок.

Никогда еще прежде я ничего подобного не испытывала.

Меня как будто парализует. Язык прилипает к небу, ноги становятся ватными, но я стою на них, боясь пошевелиться, и вся дрожу.

А он продолжает на меня смотреть.

Голос Айрис прорывается в мое сознание откуда-то со стороны.

– Познакомься, Джек. Это Джульетта.

– Сколько ей?

– Восемнадцать.

– Семья?

– У отца обувная лавка. Мать скончалась. Есть младший брат, двенадцать лет.

– Чем она увлекается?

– Пешими прогулками и скрипкой.

Я хочу добавить: «А еще неплохо метаю ножи, и если позволишь – могу продемонстрировать», но тело мое все еще мне не подчиняется.

Не представляю, как он делает это, но все то время, пока они с Айрис обсуждают меня, словно куклу на полке магазина, я смотрю ему в глаза и словно бы парю над землей.

Это магия.

Это точно магия, иначе я не вела бы себя так, но почему-то этот момент, когда он смотрит в мои глаза, не моргая, а я ловлю его взгляд и задерживаюсь в нем, кажется мне особенным.

Это пройдет, я знаю. И жду этого. Но сейчас мне невероятно хорошо.

Пауза длится целую вечность.

Я успеваю понять, что Джек выше меня на целую голову, что он очень хорошо сложен, хоть и одет в плотный черный свитер и простые джинсы – этого не скрыть за тряпками.

– Сними с нее эту дрянь, – вдруг произносит он, и я просыпаюсь.

Снять с меня... Что?

Не успеваю до конца понять, как Айрис рывком разрывает на мне платье, и оно падает на пол.

Я остаюсь стоять перед Джеком. Полностью голая.

На мне нет даже трусов.

Взвизгиваю и, наконец, осознаю, что происходит.

Магия рассеивается, есть только стыд за то, что я ГОЛАЯ

перед совершенно незнакомым мне мужчиной!

ГО-ЛА-Я!

Пытаюсь поднять платье, но Айрис вырывает его из моих рук. Прикрываюсь ладонями, трясусь, вдруг почувствовав лютый холод на своей коже.

А еще злюсь.

Невероятно злюсь на него за наглость, а на себя – за слабость. Вот идиотка! Не смогла удержаться, позволила ему подчинить себя!

Снова бросаю на него взгляд. Даже если мое поведение и вводит его в замешательство, он никак этого не показывает.

– Убери руки, – просит он, впервые обращаясь ко мне лично, а не через своего «секретаря».

Мотаю головой и чувствую, как подступают слезы к горлу.

Нееееет. О нет, только не это, пожалуйста! Я не хочу плакать при нем!

– Убери. Руки.

Я слышу рык, который прорывается сквозь человеческий голос. Еще немного, и я умру от разрыва сердца.

Этого всего так много для одной меня!

Снова мотаю головой.

И тут он делает все сам.

Я не успеваю понять, все происходит с какой-то невероятной скоростью – сначала он отрывает мои ладони от груди, а потом рывком притягивает меня к себе.

Я ударяюсь о его тело.

Голая, я прижата к нему целиком, а его пальцы... Боже, какой ужас!!

Пока одной рукой он сжимает мои запястья, вторая опускается вниз и ощупывает меня...

Между ног. Я чувствую его пальцы на своих половых губах, но и этого ему мало.

Я всхлипываю, слезы уже всюду текут по щекам. Джек не слышит этого. Ему плевать. Он проникает в меня – неглубоко, на одну фалангу пальцем...

Но он внутри.

Во мне.

Это так мерзко, так унижительно, что я не могу даже сделать вдох. Стою и всхлипываю, как идиотка, а он исследует меня.

Да, осторожно, медленно и плавно, но, черт побери, ОН ВО МНЕ!

А я не могу сопротивляться.

Никогда еще... Никогда прежде ни один мужчина не касался меня там. Да что там, ни один мужчина даже губ моих не касался, а он... Он...

Хочется убежать. Забраться в маленький пустой темный угол, свернуться клубочком и плакать, пока горло не начнет драть.

– Пожалуйста, – прошу я и сама не узнаю своего голоса. – Пожалуйста, не нужно... Остановись...

Все прекращается.

Не потому что я попросила, скорее всего, он просто узнал все, что хотел.

– Девственница, – констатирует он и отходит, вытирая палец о край своей кофты. Он выглядит так, словно ничего не случилось.

Меня колотит, я слышу стук своих зубов, но все равно не могу не ответить ему:

– Мог бы просто спросить.

И тут он бьет меня по лицу.

От неожиданности я чуть не падаю – Айрис вовремя подхватывает меня под руки и удерживает на месте. Щека горит огнем, но сильнее полыхает мое сердце. Я так зла, что, кажется, сейчас способна на все.

Бросаю на него полный ярости взгляд, и он подхватывает его, подходя ближе.

Знаю, что происходит.

Он показывает мне, кто здесь главный. И да, я зла до ужаса, но также я понимаю, что его энергия, его власть настолько сильна, что я – всего лишь пылинка на рукаве его свитера.

– Никогда не смей мне перечить, – говорит он жестко, но довольно холодно. – И сопротивляться. Заруби себе на носу: от меня не сбежать. Со мной не справиться. И если ты планируешь пойти против меня – хорошенько подумай. Потому что я купил тебя. Ты – моя собственность.

Дух захватывает. Кажется, словно во мне вообще не остается воздуха, потому что я едва дышу, но не могу перестать

смотреть на него.

Глаза все еще слезятся, и я открываю рот, чтобы ответить, что я поняла или попросить прощения, хоть мне этого совсем не хочется...

Но вдруг сбоку из-за деревьев появляется тень.

Я слышу:

– Формально – она не только твоя, братец. Она и моя собственность тоже.

И от этого голоса у меня темнеет перед глазами...

Глава 3

Если Джек с первой секунды кажется мне самим Дьяволом, то мужчина, стоящий передо мной сейчас – просто Бог.

Я смотрю на него и не понимаю, как они могут быть такими разными и одновременно так сильно похожими.

От второго оборотня за милю разит опасностью и силой, но также в нем есть невероятный свет, который лучится из его ярких, не менее голубых чем у Джека глаз. А еще его губы изогнуты в мягкой улыбке, и две ямочки на щеках так странно гармонируют с острыми скулами.

Когда он подходит ближе, я замечаю некоторые различия. Его волосы светлее, чем у Джека, он немного ниже, и, что главное – он не смотрит так, словно собирается меня убить.

Мы сталкиваемся взглядами. Я жду, что меня пронзит насквозь, как было минуту назад с Джеком, но нет... То, как он смотрит – только в мои глаза, не рассматривая меня, как игрушку, успокаивает. Я чувствую, как отогреваюсь под его взглядом, и страх уходит, отступает...

Не знаю, что это такое, но оборотни сами дают мне ответ.

– Прекрати это, Ричард, – говорит Джек.

– Прекратить что?

– Воздействие на нее.

– Тебе можно, а мне нельзя?

Так вот, что это было. Воздействие... Я не совсем пони-

маю, в чем его суть, но точно знаю – каждый из них обладает определенной силой, при помощи которой может подчинять разум и заставлять человека делать все, что он захочет.

Оборотни... Ужасные существа.

Пока я обдумываю это, Ричард снимает с себя пальто и набрасывает мне на плечи. От благодарности у меня пощипывает в горле. Я кутаюсь в мягкую, нагретую чужим телом ткань, пропихивая руки в рукава.

– Спасибо, – произношу, и только потом вспоминаю, что сказала Айрис – мне нельзя говорить, пока меня не спросят.

Бросаю испуганный взгляд на Джека, но Ричард перехватывает его и улыбается мне.

Я не думаю, что он – чистый ангел во плоти. Я думаю, что он, возможно, не менее опасен и ужасен, чем Джек, но прямо сейчас мне приятно то, как он заботится обо мне.

– Я Ричард, – он протягивает мне руку.

Горячая ладонь, обхватывающая мои пальцы, крепко сжимает.

– Джульетта.

Когда он отпускает меня, я чувствую взгляд Джека, направленный на нас, и он не сулит ничего хорошего.

Мне, конечно же, не позволяют рассмотреть дом.

Айрис передает меня в руки девушки-служанки, которая ведет меня по лестницам так быстро, что я едва за ней успеваю. Я осыпаю ее вопросами.

- Где все мои вещи? – спрашиваю я.
- Они тебе не понадобятся.
- Но не могу же я всегда ходить голой?
- В твоей комнате есть все необходимое.
- Что это за место?
- Я не могу об этом говорить.
- Почему? Ты ведь тоже человек, как и я?

Она не отвечает. Я также пытаюсь выпытать ее имя, но она говорит, что ей не велено со мной общаться, и если хозяин узнает, то ее очень накажут.

- Когда я спрашиваю, кто именно ее хозяин, то она говорит:
- Они оба.

Мне выделяют комнату в южном крыле дома на третьем этаже.

Разумеется, дверь запирают снаружи, и я тут же бросаюсь лупить по ней кулаками.

У меня столько вопросов, и ни одного ответа на них мне никто так и не дал. А теперь заперли, как пленницу, хотя... Я и есть пленница, верно?

Сажусь на край большой кровати, стоящей по центру, и оглядываюсь.

В комнате тепло и достаточно светло. Мебели немного – только кровать, тумбочка, кресло, шкаф и большое зеркало у туалетного столика. У дальней стены – дверь, и я встаю, чтобы приоткрыть ее. Меня радует то, что я вижу – большая

отдельная ванная комната.

Судя по тому, как заходит солнце – время к вечеру, и у меня из окна открывается шикарный вид на густой сосновый лес. Деревья такие высокие, что малиновый закат едва пробивается через их стволы и ветки.

Я подхожу к окну ближе. Разумеется, оно не открывается (словно я задумаю прыгать с третьего этажа), но хотя бы решеток нет, и на том спасибо. Под окном – необъятных размеров лужайка, зеленая и усыпанная разноцветными бутонами... Я ахаю. Вид просто потрясающий.

Сад целиком из моей комнаты не просматривается, но мне достаточно того, что я вижу. Кустарники с ягодами и фруктами, резные скамейки, выстроенные в полосу, небольшие фонтанчики и каменные дорожки, по которым так и тянет прогуляться.

Это сад мечты.

Но я все еще пленница в этом саду, так что радость быстро сменяется грустью.

Снова сажусь на кровать. Думаю о том, как там сейчас Аарон и думает ли обо мне, но тут же отбрасываю эти мысли в сторону. Иначе разревусь.

Все, что со мной произошло за один день, кажется каким-то кошмарным сном. словно вот-вот я проснусь в своей крошечной спальне, на деревянной кровати, под одеялом, сшитым собственными руками. И Аарон заглянет ко мне, потому что он всегда просыпается раньше.

Смахиваю слезу со щеки и ругаю себя.

Ну нет, так дело не пойдет.

Если я хочу снова увидеть его, если я хочу выбраться – мне нужно взять себя в руки.

Я продумываю план действий.

1. Нужно вести себя тихо и быть послушной, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

2. Осмотреть дом, окрестности, выяснить, сколько в доме охраны и есть ли оружие.

3. Найти людей, на которых я смогу положиться – сбежать от оборотней не так-то легко, в одиночку это сделать не получится.

4. Набраться терпения. На все это может уйти месяц, а может – год и больше. Главное – это четко понимать, чего я хочу и не отступать ни за что на свете.

Касаюсь медальона в форме месяца на моей шее. Странно, почему Айрис не сняла его с меня? Не заметила? Или решила, что он не представляет опасности? Трогаю пальцами золотой узор, высеченный полукругом. Потом подношу медальон к губам и целую его.

Я вернусь, Аарон. Я не оставлю тебя одного, обещаю.

Глава 4

Три дня не происходит ничего.

Совсем.

Меня не выпускают из комнаты, ко мне не приходит никто, кроме служанки, приносящей еду, я не вижу ничего, кроме стен и вида из окна, который, в конечном счете, начинает надоедать, ведь я не могу выйти и погулять, я могу только смотреть.

Когда я спрашиваю у служанки, долго ли мне придется сидеть здесь, она сообщает, что ей не велено со мной говорить.

Это ужасно.

Я чувствую себя, как в тюрьме, у меня даже книги нет!

С утра и до вечера я брожу по комнате, изучая ее, хотя прекрасно знаю, что ничего нового не появится.

Я рассматриваю шкаф с одеждой и прихожу к выводу, что мне нечего носить, ведь весь мой новый гардероб состоит из платьев настолько коротких и прозрачных, что я бы в жизни ничего подобного не надела.

В какой-то момент, когда я смотрю на эти платья, в голове вспыхивает мысль – я буду шлюхой. Меня купили, чтобы отправить в бордель, а эти платья – моя будущая рабочая одежда.

Мыслями об этом я загоняю себя так глубоко, что в какой-то момент нахожу себя, рвущей платья на кусочки.

Это очень опрометчиво, ведь из более-менее нормальной одежды у меня есть только халат, который также едва прикрывает попу...

Но я ничего не могу поделаться.

Эта тишина, это одиночество и отсутствие ответов на мои вопросы так раздражают меня, что мне нужно куда-то выплеснуть агрессию.

Кусочек за кусочком я разрываю явно недешевые платья, оставляя от них лоскутки. Я отпарываю подклады, раздираю воротнички и оборки, я отрываю рукава и уродую юбки.

Это доставляет мне удовольствие.

Я так увлечена этим, что не сразу замечаю служанку с подносом в руках. Я не слышала, как она вошла, и сейчас она стоит и смотрит на меня полными ужаса глазами.

– Ты что делаешь? – спрашивает она.

Я поднимаюсь на ноги, вздергиваю подбородок вверх.

– Тебе ведь нельзя со мной говорить.

– Нельзя, но... Бог мой.

Она выглядывает в коридор и, убедившись, что никого нет, закрывает дверь изнутри.

Я сажусь на край кровати. Она – стоит и смотрит на грудку тряпья под моими ногами.

– Так что? – интересуюсь я.

Она пожимает плечами.

– Мне за это влетит. Тебе ничего не будет, а мне – влетит.

– Почему мне за это ничего не будет?

Видно, как неохотно она отвечает. Ставит поднос на столик – я вижу большую отбивную на тарелке, горошек и пюре из картофеля. В горле пересыхает от вида кувшина с апельсиновым соком, но я сдерживаю себя. Сейчас еда – не главное.

Наконец, служанка заговаривает.

– Мы с тобой на разных ступенях. Ты – служанка, а ты...

– Я кто?

Я уверена, она сейчас скажет, что я – девочка по вызову.

Она мнетя, явно не уверенная, стоит ли мне говорить. Но когда поднимает на меня взгляд, понимает, что я не отстану, и выдыхает устало:

– Ты избранница.

– Что это значит?

– Почему ты задаешь эти вопросы мне?!

Она срывается, и меня почему-то это чертовски радует. Мне приятно, что она – такой же человек, как я, она испытывает эмоции, злится, чувствует. Она не просто кукла, машина или робот, который способен только выполнять указания.

Я встаю и подхожу к ней ближе.

– Как тебя зовут?

Она снова выдерживает паузу – сомневается, нужно ли говорить...

– Мария.

Я беру ее за руку.

– Послушай, Мария. Тебя ведь тоже когда-то купили. И

ты испытывала то же самое, что я сейчас, верно?

– Верно.

– Я никому не скажу о том, что мы говорили, обещаю. Я просто хочу знать...

Мария оглядывается, и я вижу, как ее взгляд падает на остатки платьев.

– Мне придется доложить хозяину об этом.

Внутри меня все холодеет.

– Которому именно из хозяев?

Она не моргает.

– Ричарду – для начала. Но если ты продолжишь в том же духе...

– Что будет? – чувствую, как колотится сердце. Как густо, липко становится в груди. – Что сделает Джек, если узнает?

Она мотает головой.

– Не могу сказать.

– Пожалуйста.

Я вижу в ее глазах страх. Вижу, что-то, о чем она не говорит, нечто, беспокоящее ее так сильно, что она снова теряет контроль.

– Хватит. И больше не заговаривай со мной, иначе худо будет.

Она выходит торопливо, словно боится, что я могу ее остановить. Я слышу, как снаружи проворачивается ключ в замке, и опускаюсь на кровать.

Дверь передо мной теперь кажется в три раза больше, а

замки – в три раза надежнее.

Реакция Марии на мой вопрос была странной.

Она как будто вмиг постарела, и все ужасы, которые она пережила, опустились на ее плечи, придавливая к земле.

Так что же произошло?

И что значит «избранница»?

С этими мыслями я беру поднос, ставлю перед собой и принимаюсь за еду.

В ту ночь я просыпаюсь от странного сна.

Я совершенно голая, лежу на поляне посреди леса, а Ричард нависает надо мной. На нем тоже нет одежды, и я чувствую, как он упирается членом мне в промежность, как скользит по ней влажной головкой. Мне до безумия хочется раздвинуть ноги и позволить ему войти.

Где-то там, далеко, на подкорке плещется мысль, что я совершенно его не знаю, что он – чужой, а еще очень опасный, и я не могу его хотеть, но сон такой сладкий...

Его тело такое крепкое. Я выгибаюсь ему навстречу, охаю, раздвигаю ноги широко и чувствую, как он входит в меня.

Во сне это совсем не больно. Его член огромный, он едва в меня вмещается, но мне приятно до головокружения. Я начинаю качать бедрами ему навстречу, путешествовать губами и пальцами по его телу и стонать от наслаждения.

Никогда в жизни я подобного не испытывала, ведь я – девственница. Но этот сон, он не похож на мою жизнь. Здесь

мне не страшно, а наоборот – приятно и хорошо.

И руки Ричарда, сжимающие мою грудь, и его член внутри меня, и то, как он смотрит мне в глаза, нависая сверху.

Я почти кончаю.

Чувствую, как приближаюсь к оргазму, и начинаю двигаться ему навстречу быстрее, стонать громче.

Ричард ускоряется. Его прекрасное лицо с острыми скулами так близко, что я подаюсь вперед и целую его. Я знаю, что еще секунда, и я взорвусь, разлечусь на кусочки, от удовольствия сводит все тело, и я уже почти кончаю, когда Ричард прерывает поцелуй...

И я вижу его.

Словно все исчезает. Мягкая трава под моей спиной, чистое небо над головой и полное ощущение правильности происходящего – этого больше нет.

Потому что вместо Ричарда теперь надо мной нависает Джек.

Я начинаю кричать.

Так громко, что от собственного крика просыпаюсь, хватаясь за простыни, как за спасательную соломинку.

Горло от страха сдавливают, воздуха не хватает, я стараюсь дышать, но это так сложно.

Оглядываюсь, чувствуя, как крупными каплями слезы начинают течь по щекам.

Я в комнате. Я одна. Вокруг меня только примятая кровать и все та же мебель, что была здесь с первого дня.

Только вот...

Только...

Встаю на ноги, а руки трясутся. Все тело в мурашках. Гло-таю слезы, вытираю их с лица пальцами. Подхожу к тумбочке и вижу красную розу, лежащую на столе.

Прежде ее здесь не было. Оглядываю комнату, прекрасно зная, что здесь никого нет. Но кто-то ведь принес розу?

Боюсь взять ее в руки. Просто стою и смотрю, пока не замечаю небольшой лист бумаги, аккуратно сложенный в четыре раза.

Подхожу к стене и включаю верхний свет. Сразу становится спокойнее.

Беру листок и раскрываю его, читая послание.

«Наше знакомство было слишком быстрым. Предлагаю начать все заново завтра, в саду. Р»

Р – Ричард.

Обрывки сновидения, когда Ричард прижимал меня к земле и входил в меня, наполняя собой до краев, нападают на меня, как мелкие птички – на свою добычу, и я отбрасываю листок в сторону, словно он может меня проглотить.

Глава 5

Уснуть мне не удастся еще долго.

Я просто лежу в темноте, глядя в потолок, и размышляю о том, что меня ждет.

А еще сопоставляю вместе все те факты, что я узнала.

В этом доме два хозяина – Джек и Ричард. Они братья, что очевидно. Дом полон прислуги человеческой расы, которой запрещено говорить со мной. Я – избранница, что бы это ни значило.

И меня приглашает на прогулку Ричард.

Это странно.

Еще и сон. Боже, я в жизни не видела эротических снов, ведь как можно увидеть то, о чем не имеешь понятия?

А этот сон... Он был таким откровенным.

Таким четким, что я не могу забыть его, выбросить из своей головы.

Кручусь с боку на бок. Ругаю себя за то, что мне снятся такие сны, хотя понимаю, что моей вины в этом нет.

Не в силах устоять, снова беру в руки записку и перечитываю ее.

Прогулка.

Мне даже надеть на нее нечего, ведь я разорвала все платье...

Боже.

Мне придется идти с ним голой?!

Одна мысль наслаивается на другую и я, продолжая сжимать листок в руке, все-таки засыпаю, когда солнце уже начинает подниматься над горизонтом.

Завтрак мне приносит другая девушка. Меня это удивляет, поэтому я спрашиваю у новой служанки, куда делась Мария, но она вообще не разговаривает со мной.

Меня это беспокоит.

Надеюсь, наш разговор не навредил Марии? Никто ведь не мог о нем узнать?

Вместе с завтраком мне приносят коробку, на которую я смотрю с настороженностью. Открывать не спешу – наслаждаюсь омлетом, свежими булочками и молоком.

Когда заканчиваю есть, любопытство берет верх, и я ставлю коробку на кровать перед собой. Снимаю крышку.

В коробке лежит платье.

Оно не похоже ни на одно из тех платьев, что я разорвала – оно красивое, эстетичное, не вульгарное. Приятный темно-зеленый цвет, который, я уже заранее знаю, будет гармонировать с моими волосами. Юбка достаточно короткая, но за счет формы «колокольчик» не выглядит вызывающе. Декором почти полностью закрытое, лямки широкие, а на талии – серебристого цвета лента.

Мне нравится это платье. Очень. Предвкушаю, как смогу надеть его, и заглядываю в коробку, чтобы достать черные

туфли-лодочки на средней высоты каблук.

На дне коробки есть еще и конверт, и я открываю его в последнюю очередь.

Тот же почерк, те же пара строк...

«Встретимся в 13:00 в саду. Буду с нетерпением ждать. Р».

Все утро я в предвкушении.

Не потому что я так жажду встречи с Ричардом (если честно, после ночного сна, меня эта перспектива все больше пугает), а потому что мне ужасно хочется выйти из комнаты. Оказаться на воздухе после нескольких дней взаперти – что может быть лучше?

Я принимаю ванну с пеной, долго привожу себя в порядок, бреюсь и мою волосы. После чего стою перед зеркалом и рассматриваю свое лицо.

Айрис не зря просила меня смыть косметику.

Это правда – мои ресницы и губы действительно слишком яркие. Помню, как получала за это в школе. Учителя постоянно вызывали маму или отца, угрожая отчислить меня, если я не перестану краситься на уроки.

И тогда родители объясняли, что я не могу перестать, потому что краски на мне совершенно нет. Только та, что дала мне природа.

Вспоминая об этом, в очередной раз задаюсь мыслью, как так вышло, что отец решил меня продать? В какой момент он понял, что это нужно сделать? В какую минуту жизни он

решил, что деньги для него важнее дочери?

Трясу головой, чтобы избавиться от этих дурацких мыслей.

Роюсь в ящичках в ванной и нахожу фен.

Чтобы высушить волосы, мне нужно не менее полчаса. Я никогда их не укладываю, потому что они завиваются сами по себе, но сейчас мне удастся придать им небрежный, но очень милый вид, и я радуюсь тому, что у меня получилось.

Понимаю, что какого-то черта нервничаю, как перед свиданием.

Это странно.

Ричард может быть кем угодно, но только не кандидатом в мои ухажеры. Как и Джек. Это же бред, зачем им я, если они – оборотни? По логике, им нужны волчицы, а не простые девчонки из деревни.

Пока думаю обо всем этим, надеваю платье и туфли. Становлюсь перед зеркалом и охаю от увиденного.

С одной стороны, я узнаю себя сразу – те же медные волосы, те же яркие ресницы, губы, глаза. Но, с другой стороны, в этом платье, туфлях, с укладкой и предвкушающим блеском в глазах я чувствую себя какой-то особенной.

Я никогда так раньше не одевалась.

И никогда так себя не ощущала.

В 12:50 раздается стук в дверь.

Для меня это ново, ведь прежде ко мне входили без стука,

а, уходя – запирали меня снаружи. Сейчас в дверь стучат, и я неуверенно дергаю ручку.

Открыто.

Распахиваю дверь пошире и вижу перед собой Марию.

Не знаю почему, но я так рада ее видеть, что широко улыбаюсь и с трудом сдерживаюсь, чтобы не броситься ей на шею. С ней все в порядке! Я не подвергла ее опасности, это просто прекрасно.

Вижу, как подрагивает уголок ее губ – она хочет улыбнуться мне тоже, но не решается сделать это в коридоре.

– Хозяин приказал сопроводить вас в сад, – говорит она, опустив взгляд. – Следуйте за мной.

Я киваю, и мы спускаемся по лестнице вниз.

В первый день, когда меня только привезли в дом, я не успела рассмотреть его изнутри как следует – была слишком занята переживаниями о том, что меня раздели и ощупали чужие руки.

Сейчас же я чувствую себя, как в музее. Картины, цветы, высокие окна во всю стену, заливающие светом коридоры и фойе.

Мы идем быстро, но я все равно успеваю оглядеться и понять, в насколько же роскошное место я попала.

Какими бы ни были Джек и Ричард, одного у них не отнять – это чувство вкуса.

Это не старомодные тяжелые шторы и люстры, а элегантное, дорогое, очень фактурное оформление, какого я не ви-

дела никогда. Я понимаю, что это всего лишь коридоры и лестничные пролеты, что там, в наглухо закрытых комнатах все может быть еще прекраснее. Но что там? Там, за дверями?

– Как здесь красиво, – шепчу я, когда мы спускаемся в холл на первом этаже.

Невероятное ощущение тепла и уюта накрывает на меня, и я расслабилась окончательно.

Когда Мария толкает входную дверь, и мы спускаемся по лестнице в сад, я останавливаюсь, вдыхая в себя сладкий запах цветов и зелени, прислушиваясь к журчанию воды в фонтане и мягкому, теплому шуму ветра, блуждающего между деревьев.

Я закрываю глаза, подставив лицо под солнечные лучи и просто наслаждаюсь моментом. А когда открываю – Марии рядом нет.

Вместо нее напротив меня, в классической белой рубашке и брюках, элегантный и благоухающий свежестью стоит Ричард.

– Джульетта, – произносит он, и мое имя на его губах звучит тягуче и нежно. – Я рад, что ты пришла.

Он выставляет локоть вперед, приглашая меня взять его под руку, и я, не пытаясь сопротивляться, послушно делаю это.

Глава 6

Какое-то время мы с Ричардом идем молча.

Я дышу свежим воздухом жадно, потому что боюсь, что после прогулки меня снова запрут в комнате на долгое время.

Он не спешит говорить, и я молчу тоже, наслаждаясь красотой сада, его яркими красками, зеленью, утопающей в солнечном свете.

Я никогда прежде не видела такого количества разных цветов. Многие из них мне незнакомы, и все они растут по какой-то схеме, высаженные так, чтобы каждый цветок соприкасался с растущим рядом растением.

От этой красоты перехватывает дыхание.

Я вспоминаю наш маленький сад за домом. Там было всего две клумбы, за которыми мы с Аароном тщательно ухаживали, но так как работы по дому было много, часто цветы высыхали и слабели.

Мы обходим по кругу весь дом перед тем, как остановиться у скамейки. Она в тени, и я присаживаюсь, стараясь натянуть юбку так, чтобы она прикрывала колени.

Ричард какое-то время стоит и рассматривает меня.

Под его взглядом я чувствую себя беспокойно.

Не смотрю в ответ, но чувствую, как он блуждает по моему лицу, талии и ногам.

– Ты восхитительна в этом платье, – говорит он.

– Спасибо.

– Остальные ты разорвала.

Я ищу капельки злости в его голосе, но тон его даже игривый, и мне приятно, что моя выходка не повлияла на его отношение ко мне.

– Они были не для меня.

Поднимаю глаза, но солнце слепит, и я не могу рассмотреть выражение лица Ричарда.

– А что для тебя?

Не понимаю, к чему этот разговор об одежде. Разве сейчас нет более насущных тем? Например, зачем я здесь и с какой целью меня купили?

Но подстраиваюсь под его игру. Позволяю ему вести.

– Я ношу более простые вещи. То, в чем комфортно. В подобных платьях я не чувствую себя... собой.

Ричард кивает и присаживается рядом со мной.

– Я попытаюсь что-то придумать с этим.

Улыбка сама появляется у меня на лице.

Ричард сидит не слишком близко, расстройство между нами можно измерить тремя ладонями, но я все равно чувствую его сильный мужской аромат.

Я не до конца понимаю, парфюм это или так пахнет его тело, и неосознанно тянусь, чтобы вдохнуть его в себя.

Видимо, Ричард замечает это и смеется, чем вгоняет меня в краску.

Рядом с ним я не узнаю себя. Вспыхиваю, отворачиваюсь, чувствую себя ужасно нелепо.

Я же не могла влюбиться так скоро, верно? Тогда почему такая реакция на него?

– Прости, – шепчу я, а Ричард вдруг осторожно спрашивает.

– Можно мне взять тебя за руку?

Я вспоминаю, как Джек исследовал меня изнутри, не спрашивая, не реагируя на мое сопротивление и мольбу. Словно я – вещь. Словно я не имею ни права голоса, ни каких-либо прав. Поэтому вопрос Ричарда застаёт меня врасплох.

– Что?

– Взять тебя за руку... можно?

Медленно киваю и смотрю в его глаза.

Они такие яркие. Сейчас, когда в них отражается зелень и солнце, они кажутся не голубыми, а бирюзовыми. Завораживают.

Пальцы Ричарда накрывают мою руку, мягко сжимают, а потом он подносит мою ладонь к лицу и касается губами.

Это не похоже на то, что было в день знакомства.

Эти чувства – не магические, они реальные, они исходят от меня. Мне чертовски приятно. Его мягкие губы, легонько касающиеся моей кожи, его теплая рука...

– Ты вкусно пахнешь, – говорит он и улыбается так, что я вижу чуть выпирающие клыки. Это немного жутко, но так

притягательно.

Не понимаю, что со мной происходит.

Я ведь вижу этого человека второй раз в жизни, но у меня внутри все ощущается иначе. Словно откуда-то я давно его знаю.

Мы сидим так, держась за руки и глядя друг другу в глаза, а я все еще не знаю, чувствовать мне себя блюдом на тарелке или же женщиной, которая перевернет его жизнь...

– У тебя, наверное, много вопросов?

Когда он говорит, я словно просыпаюсь ото сна.

– Да.

– Я готов ответить на все.

Вскидываю брови, чуть улыбаясь:

– На все-все?

– Да. Нам с тобой предстоит долгое общение. Не хочу начинать его с вранья.

Я удивлена и на какое-то время зависаю, не понимая, с чего начать.

Решаю, с главного.

– Зачем я здесь?

Ричард улыбается, поглаживает внутреннюю сторону моей ладони своим большим пальцем. Это дарит невероятные ощущения.

– Ты нам нужна.

– Вам – это...

– Мне с братом.

Упоминание Джека пускает мурашки по моим плечам. Я не хочу о нем ни говорить, ни вспоминать.

– Для чего?

– Это долгая история...

– Я никуда не спешу.

Улыбка Ричарда становится шире. Я явно его забавляю, но только пока не знаю, чем именно.

– Тогда, нам стоит продолжить прогулку?

Он встает и ждет, когда я поднимусь на ноги следом за ним. Я снова беру его под руку, но на этот раз свободной рукой он сжимает мои пальцы.

– Сколько тебе лет? – вдруг спрашиваю я, почувствовав необходимость узнать.

Ричард бросает на меня удивленный взгляд, словно в меньшей степени ожидал услышать этот вопрос.

– Скажем так – я старше, чем все, кого ты знаешь.

– Ты не ответил.

Он смеется, и его красивый, мужественный смех снова что-то внутри меня будоражит.

– Мне почти двести лет.

Я замираю.

Ричард останавливается вместе со мной и молча ждет, что же я скажу.

У меня в голове прокручиваются все легенды об оборотнях, все слухи и перешептывания. Я слышала, что они могут жить долго, но не думала, что настолько.

– Как это возможно?

– Регенерация.

– Вы все так можете?

– Нет. Не все.

– Какие-то... особенные виды?

– Вид, – поправляет он меня. – Только семья альфы. Его...

потомство.

Чем больше он говорит, тем сильнее я чувствую провалы в знаниях. А я терпеть не могу чего-то не знать, это убивает меня.

– И кем ты приходишься альфе?

– Его младший сын.

Значит Джек – старший.

Я киваю, складывая одно с другим.

«Почти двести лет» все еще звенит в моей голове, но я продолжаю путь, пытаюсь не думать об этом. Очевидно, впереди у меня много открытий, которые меня шокируют. Нужно привыкать.

– Значит... Когда его не станет, кто-то из вас будет альфой?

– Его уже не стало, Джульетта. Десять лет назад.

Я ничего не понимаю. Снова поворачиваюсь к Ричарду, брови мои сами по себе сводятся на переносице.

– Как это? И кто же теперь альфа? Джек?

Он мотает головой и останавливается. Я оборачиваюсь и понимаю, что мы отошли от скамейки всего на пару метров.

– Никто.

– Но разве стая не должна всегда быть под защитой альфы?

– Отец не успел передать силу, и теперь мы оба претендуем на трон. Но достанется он только одному из нас.

– И как вы это решите? Путем голосования?

Ричард смеется. В моей голове каша. Я не понимаю его, не понимаю их системы жизни, я даже не знаю, что за воротах этого дома – насколько эта стая оборотней велика? Там поселение? Или пара домов? А, быть может, целое государство? Поэтому, наверное, мои вопросы кажутся Ричарду глупыми, но я просто хочу разобраться.

– Нет.

– А как?

– Здесь мы переходим к твоей роли в этой истории.

– К... моей?

Я не понимаю.

Не понимаю, причем тут я – простая дочь сапожника из маленькой деревеньки, которая недавно закончила школу, и даже не успела понять, чем хочет заниматься по жизни? Какое я имею ко всему этому отношение?

– Да, Джульетта. Ты – главная героиня этой истории. Ты все определишь.

Мотаю головой и выпускаю его руку, отступая на пару шагов назад.

– Нет. Как это возможно?

Ричард протягивает мне ладонь.

– Пойдем со мной.

Через десять минут он приводит меня в большую просторную комнату. По книжным стеллажам, дубовому рабочему столу и ноутбуку, стоящему на нем, я понимаю, что это кабинет.

Но мы не останавливаемся внутри – Ричард ведет меня дальше, за стеллажи, к самой дальней стене, скрытой за стопками книг.

Я сначала не придаю этому значения – стена и стена, но потом Ричард делает то, от чего я в ужасе вскрикиваю.

Он выпускает когти.

Звук похож на щелчок, громкий и неожиданный, а потом я вижу их...

Они острые, как лезвия ножа, чуть загнутые, полупрозрачные. Я подумать боюсь, что он может сделать со мной этими когтями. Наверное, одного движения ими по горлу хватит, чтобы я упала замертво.

Но Ричард не обращает внимания на мою реакцию. Он проводит ладонью по стене, и на ней появляется полукруг с выбитыми отверстиями. Я понимаю, для чего они – чтобы он смог вставить когти в каждое отверстие. Потом легонько проворачивает ими...

Стена вдруг издает скрип и... Превращается в дверь.

Я все еще в шоке от происходящего, поэтому просто мол-

чу, выпучив глаза.

Ричард открывает дверь и приглашает меня войти.

Мне не по себе.

Из милой прогулки по саду все превратилось в какую-то жуткую экскурсию по тайным местам этого дома. Я бы лучше изучила столовую или там, я не знаю, комнату для гостей?

Мне совсем не хочется здесь находиться.

– Что это за место? – спрашиваю я, потому что из-за со-
здавшейся тишины мне не по себе.

Ричард щелкает выключателем, и комнату озаряет тусклым светом. Здесь нет ни одного окна, и лишь одна крошечная лампочка горит под потолком.

– Тайная комната...

– Тогда что здесь делаю я?

– Ты – часть меня, Джульетта. И часть Джека тоже. Ты не сможешь нам навредить.

Его слова пугают меня.

Пугают так сильно, что я чувствую, как начинаю дрожать.

В комнате нет ничего, кроме пустой стены, увешанной бумажками. Это похоже на кадр из детективного сериала, где полицейский, чтобы было легче расследовать преступление, выстраивает цепочку из улик на пробковой доске.

Только вот...

В детективных сериалах по центру фото маньяка...

А не мое.

– Что... это... такое? – выдыхаю я, и словно слышу свой

голос со стороны – испуганный и не понимающий.

Ричард подходит к стене ближе и показывает на фото красивого мужчины прямо над моим.

– Это мой отец, – от его фотографии идут еще две – Ричарда и Джека. – А это мы с братом.

– Я вижу, Ричард, но при чем здесь я?

– Ты – наше пророчество. Наша избранница. Мы ждали тебя десять лет.

Я хватаюсь за голову.

– Что? Я ничего не понимаю, я не... Десять лет назад мне было восемь лет.

– Да. Все это время мы тебя ждали.

Он улыбается, словно говорит что-то приятное, но все его слова лишь пугают меня.

– Зачем? Что значит «избранница»?

Я пытаюсь сконцентрироваться на других фото – вижу таких же красивых девушек и мужчин, эта семья вся, как на подбор: дедушки, бабушки, родители, сестры и братья... Они безупречны. Они выглядят так, словно их создали на специальной фабрике красавцев.

И Ричард с Джеком – самые лучшие экземпляры. Последние новейшие модели, чтобы их.

– Это значит, ты избрана, чтобы быть с одним из нас.

– Я не... Это какая-то ошибка. Это точно ошибка, я же простая девчонка, да и к тому же – человек!

– Никакой ошибки нет, – Ричард берет мою руку и под-

водит меня к стене ближе. Показывает на черно-белое фото мужчины в самом верху. – Такое уже происходило раньше. Это наш прадедушка. Его звали Карл.

– Прадедушка Карл. Ясно-понятно.

– А это – его избранница. Она человек.

Я вижу фото красивой девушки с черными волнистыми волосами и яркими глазами, которые как будто смотрят мне прямо в душу.

– Значит... Она выбрала вашего прадедушку, а не его брата.

– Именно.

– А что случилось со вторым? – Ричард смотрит на меня, и я читаю все в его глазах. – О боже. Он умер. Умер, да?

– Нет. Но то, что произошло с ним – страшнее смерти.

Я чувствую, как подгибаются мои ноги и только чудом, только хватаясь за руку Ричарда, могу удержать себя на ногах.

– Значит, то же самое случится с одним из вас... С тем, кого я не... Кого я не выберу? Так?

– Да. Все верно.

Ричард ловит мой взгляд, и я пытаюсь понять, что он чувствует, думая об этом. Думая о том, что что-то ужасное может произойти либо с ним, либо с его братом. Но в полумраке этой комнаты его глаза не светятся, они словно гаснут, потухают, как залитые водой огоньки, и я не могу различить в них ни капли эмоций.

Глава 7

Мы выходим из комнатки в кабинет, а потом – в коридор. Мои руки все еще трясутся от произошедшего, а также я не понимаю, стоит ли мне в это верить.

Я всегда была обычной девчонкой. Спокойной, послушной, доброй. Я всегда искала во всем справедливость и думала, что моя жизнь будет точно такой же – справедливой. Но вышло нечто иное.

Мы с Ричардом идем по коридору, он говорит мне что-то, а я не слышу.

Я слышу только стук своего сердца и глухие удары своих каблучков по полу.

Внезапно мне кажется, что в доме слишком холодно, и я обнимаю себя за плечи руками.

Наконец, заметив, что я не реагирую на его слова, Ричард замолкает. Я только чувствую его дыхание позади себя и мягкую поступь.

Мне не по себе.

Мне не хочется быть чьей-то «избранной» и решать чью-то судьбу, наплевав на свою. У меня были свои планы на жизнь, свой тихий, спокойный, уютный мир, у меня были друзья и то общество, которое я выбрала сама, а теперь что получается? Мне нужно жить так, как укажут они? И почему? Я не оборотень, мне совершенно все равно на их семей-

ные проклятья, законы и традиции...

Но меня купили.

Вот почему меня именно КУПИЛИ. Чтобы у меня не было шанса отказаться.

Видимо, Ричард чувствует мое смятение, поэтому, когда мы подходим к дверям моей комнаты, он хватает меня за локоть и чуть тянет, чтобы я посмотрела на него.

Это не свойственный ему жест меня пугает, и он тут же убирает руку, тушуясь.

– Я просто хотел сказать, Джульетта... – шепчет он. – Что ты еще поймешь свою роль во всем этом. Почувствуешь ее.

– На данный момент я чувствую только страх. Ты пугаешь меня.

– Понимаю. Но ты связана с нами. Джек может быть жутким, я – странным, но ты в равной степени связана с ним, как и со мной, – он вздыхает и, пока я пытаюсь представить, как взаимодействую с Джеком (от одной мысли об этом меня воротит), подходит так близко, что обжигает дыханием мое лицо. – Просто подожди немного.

– Если честно, – отвечаю я шепотом. – Я не хочу ничего ждать. Я хочу домой.

Слышу звенящие в собственном голосе слезы и пытаюсь отвернуться, чтобы Ричард не увидел, как я плачу. Но он крепко сжимает мой подбородок пальцами.

– Джульетта... Теперь твой дом здесь.

– Нет.

– Да. Знаю, ты попытаешься сбежать. Возможно, у тебя уже есть план и не один. Возможно, у тебя даже что-то получится. Но ты все равно вернешься сюда. Всегда будешь возвращаться. Потому что мы – твоя судьба, от этого ты убежать не сможешь.

Он говорит спокойно, мягко, и я чувствую, как слезы высыхают только от звука его голоса.

Поэтому, пока не наделала глупостей, хватаюсь за ручку двери и дергаю ее на себя.

Мне нужно побыть одной.

Ричард – как потрясающе дорогие, сладкие духи с цветочным ароматом. Когда его слишком много, ты начинаешь задыхаться.

Сняв туфли и платье, я переодеваюсь в единственное, что у меня имеется – короткий халат, – и, свернувшись клубочком в кровати, жду, что случится дальше.

Я понятия не имею, который час. В животе у меня бурчит, значит, я точно пропустила обед, а, быть может, уже время ужина.

Я пытаюсь собрать в кучу всю полученную информацию и разложить по полочкам.

Я – избранница двух волков. Они выкупили меня, чтобы у меня не было права уйти. У меня есть какое-то количество времени, чтобы определить, кто из них мне дорог. Он станет альфой, а со вторым случится что-то ужасное.

И, самое важное, что я поняла сегодня – среди них нет хорошего и плохого брата. Даже Ричард со своими мягкими повадками, уважительным тоном и наигранной вежливостью вызывает у меня страх. И первое впечатление явно было обманчивым.

Наверное, эти мысли утомляют меня, потому что вскоре я проваливаюсь в сон. Открываю глаза, когда слышу стук в дверь.

Так странно.

Все еще не могу привыкнуть к тому, что в дверь стучат.

Открываю и вижу паренька перед собой. На вид он чуть старше Аарона, и у меня щемит в груди, потому что они достаточно похожи.

– Вас просят пройти в столовую на ужин, мисс, – говорит он тонким голосом. Меня забавляет то, что он называет меня «мисс».

Решаю подыграть ему и делаю серьезное лицо.

– Кто просит?

– Хозяин.

– Который из них?

– Мистер Джек.

Я ожидала, что он назовет имя Ричарда, поэтому несколько секунд просто стою и молчу, глядя на парня.

Джек? Джек приглашает меня на ужин?

У меня в голове только один сценарий, где мы с ним мо-

жем ужинать вместе – когда я лежу на тарелке в виде отбивной.

Знаю, что это глупо, ведь я очень голодна, но Джек поступил со мной отвратительно в день знакомства, и никакого желания ужинать с ним у меня нет.

– Передайте хозяину, что я лучше умру от голода, – заявляю я, вздернув вверх подбородок.

Парень тарашит на меня глаза. У него пухлые щечки, которые веселят, но я продолжаю делать вид, что чрезвычайно серьезна, и он явно обескуражен.

– Меня просили не принимать отказа, мисс.

– Правда? И что ты должен сделать в случае отказа?

– Я не... – он хлопает ресницами. Очевидно – не знает.

Я кладу руку ему на плечо и крепко сжимаю.

– Послушай меня, – у меня дух захватывает от собственного плана. – Передай хозяину, что если он хочет поужинать со мной, то должен подняться сюда сам и извиниться. Он знает, за что. А еще передай, что если он накажет тебя за то, что не притащил меня силой – он об этом очень пожалеет.

Парень выглядит так, словно сейчас упадет в обморок.

– Но мисс... – лепечет он, а я, в свою очередь, разворачиваю его к себе спиной и легонько пихаю.

– Ничего не бойся! – выкрикиваю я, отсылая беднягу. – Обещаю, тебе ничто не грозит.

Когда он, на подрагивающих ногах уходит, я чувствую себя просто прекрасно. Кажется, эта «связь» или как там ее

назвал Ричард – достаточно полезная штука.

Глава 8

Когда парнишка уходит, я, довольная собой, начинаю кружить по комнате.

Наверное, это защитная реакция и мой способ заглушить страх и боль внутри, но я танцую, бегаю по комнате, запрыгиваю на стол, скачу по кровати так, что одеяла и подушки взлетают в воздух. Я забираюсь на подоконник и вырисовываю прямо у окна попой какие-то символы, хохочу и издаю такие звуки, словно из меня выбирается дьявол.

Я пою все песни, которые только приходят на ум, и так устаю, что в какой-то момент падаю на пол, обессиленная, задыхаясь от смеха.

Знаю, это истерика.

Все события последних дней наваливаются на меня, и я слишком хрупкая, чтобы их перенести без последствий, хотя и делаю вид, что сильна.

Голод внутри меня разрастается. Я хочу есть и плакать – не знаю, что больше.

Дверь открыта, я больше не заперта – мне это известно, но я не могу пересилить себя и выйти. Почему-то кажется, как только я ступлю за порог, меня ждет что-то ужасное. Ведь мне НЕ ВЕЛЕЛИ ВЫХОДИТЬ.

Не знаю, сколько я так лежу – минуты или часы.

Когда снова слышу стук в дверь – поднимаюсь и, даже не пытаясь пригладить волосы, распахиваю ее, ожидая снова увидеть мальчишку-прислужника.

Но от удивления охаю.

Передо мной стоит Джек. В гордом одиночестве. Собственной персоной.

Так как я видела его всего раз в своей жизни, и это были явно не самые приятные мгновения, сейчас я настолько поражена, что не могу произнести ни звука.

Неужели он повелся на мою манипуляцию? Как такое возможно?

Джек выглядит, как и тогда – холодным, бесчувственным и... жутко красивым. Это опасная красота, пугающая. Сейчас, когда я провела больше времени с Ричардом, они вдруг перестают казаться мне похожими. Несмотря на то, что внешние сходства неоспоримы, я не могу их сравнивать. Будто после той информации, которую дал мне Ричард, что-то переменялось.

– Ты не пришла на ужин, – говорит он таким тоном, словно объелся чего-то кислого. Или как будто сам факт необходимости говорить со мной выводит его из себя.

– Не голодна, – отвечаю так же резко.

Джек оглядывает меня с головы до ног, лицо его приобретает странное выражение...

– Приведи себя в порядок и спускайся, – при этих словах он отворачивается, словно смотреть на меня не может.

И только теперь я понимаю, в чем дело.

Смотрю вниз, на полы своего халата, и до меня доходит, что во время танцев он совсем распахнулся, и теперь мое тело почти полностью голое перед ним.

Черт!

Да как такое возможно!

Стараюсь не подавать виду и запахиваюсь, продолжая держать лицо.

– Я никуда не пойду.

Джек рыкает, и от этого звука внутри меня что-то переворачивается.

– Я сказал – ты спустишься к ужину.

– Нет, – я шагаю вперед, внезапно смелая (или, скорее, сумасшедшая) и говорю ему прямо в лицо. – Что ты мне делаешь? Снова ударишь?

Джек долго молчит. Он рассматривает меня так, будто я – товар на полке в магазине. Чувствую, как покрываюсь пятнами то ли от ярости, то ли от смущения.

Жду.

Ожидать от Джека можно чего угодно, а лучше – вообще не строить никаких ожиданий, ведь иначе можно сойти с ума.

Он тоже делает шаг вперед – и теперь между нами лишь небольшой порог моей комнаты. Мое личное пространство, в которое он может ворваться, когда ему заблагорассудится.

– Я слышу, как стучит твое сердце, – шепчет он, накло-

нившись к моему лицу так близко, что я чувствую жар его дыхания. – И чувствую, как ты пахнешь. Моим братом.

Пытаюсь понять, что это такое странное прорезает его голос на последней фразе... Но не могу. Это не ревность, откуда бы ей взяться? Но словно сам факт того, что я была с его братом, провела с ним рядом несколько часов, раздражает его? Кажется ему мерзким?

– Какое тебе дело?

– Никакого, – Джек отталкивает меня и проходит в комнату. Оглядывает ее безразличным взглядом. Мне становится стыдно за разбросанные подушки и одеяла, но лишь на пару секунд. Это их проблема, что я здесь умираю от скуки.

Пока я размышляю об этом, Джек садится в единственное кресло, стоящее у окна, забрасывает одну ногу на другую и откидывается на спинку. Выглядит так, словно ему бесконечно удобно вот так здесь заседать.

Я так и остаюсь стоять в пороге.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– А на что это похоже?

– Словно тебе нечем заняться.

– Мне и правда нечем заняться. На это время у меня был запланирован ужин с тобой, а ты решила поиграть в недоτροгу. Посижу здесь. Возможно, даже останусь на ночь.

Он начинает смотреть в окно, как будто это – телевизор, по которому показывают жутко забавный фильм.

– На ночь? Что тебе делать здесь всю ночь?

Джек поворачивается ко мне, и я снова чувствую его внимательный, пристальный, жадный взгляд на своих ногах, талии и шее. Мурашки бегут по коже.

– Я купил тебя. Могу делать все, что захочу.

От ужаса у меня перехватывает дыхание.

Я чувствую, что вот-вот закричу, но также понимаю, что с Джеком нельзя кричать. Ничего хорошего не выйдет. Я заупрямилась, и вот к чему это привело.

О нет.

Он всегда – всегда будет брать свое. Будет делать так, чтобы добиться желаемого. Мне в жизни не стать победителем в нашем с ним поединке! Только если... не брать его хитростью.

– Ладно, черт с тобой, – выпаливаю я. – Давай поужинаем.

– Ты меня приглашаешь?

Я не могу скрыть того, что шокирована.

– Ч... что? Нет, это ты меня приглашал.

– Ну, я передумал. Я отклоняю свое приглашение, лучше я останусь здесь. На всю ночь.

Чертов ублюдок! Я понимаю, что это манипуляция, причем такая красивая и элегантная, словно золотая цепочка, сплетенная из маленьких звеньев вручную. Но я не могу не злиться! Ненависть к этому человеку вдруг обрушивается на меня, буквально сбивает с ног! И это мешает мне контролировать эмоции, мешает мне думать.

– Ты что – сумасшедший?

– Смотря с какой стороны посмотреть.

– С любой стороны! – в ярости я подхожу к нему и становлюсь над ним, закрывая ему обзор на сад. Так забавно – я сейчас выше него, но даже в этом положении он смотрит на меня сверху вниз, это выражено в его взгляде и его насмешливо изогнутых бровях. – Ты сам попросил меня поужинать с тобой.

– И ты отказалась...

– Теперь я согласна!

– Но не согласен я.

Это детский сад.

Я злюсь и выгляжу, как психованная, а он сидит совершенно спокойный, кажется, наслаждается происходящим. Ему только попкорна не хватает.

Мне нужно успокоиться. Я убеждаю себя в этом, уговариваю, прошу...

Но пока Джек вот так вот смотрит на меня, я не могу.

Набираю воздуха в легкие и говорю, стараясь не звучать, как готовая взорваться идиотка.

– Ты не можешь остаться на ночь.

Джек опускает обе ноги на пол и чуть наклоняется вперед, явно заинтересованный разговором.

– Почему же?

– Потому что я этого не хочу.

– Ты же понимаешь, что я могу прийти сюда в любой момент? В любую секунду? Прийти и сделать с тобой все, что

приспичит моей левой пятке?

От мыслей об этом меня мутит.

– Я... да, я понимаю.

– Так в чем проблема?

Набираю воздуха в легкие и медленно выдыхаю.

– Поужинай со мной.

Джек замолкает и смотрит на меня неверяще. Он выглядит так, словно я ошеломила его. Словно он этого не ожидал.

– Что? – произносит сухими губами.

– Джек, пожалуйста, поужинай со мной. Сейчас.

Это так унижительно. Я сама себе противна, но также я понимаю, что лучше спущусь вниз и выдержу час неловкого приема пищи напротив Джека, чем останусь с ним наедине на всю ночь.

Я не знаю, чего от него ждать.

Он чертовски умен и ужасающе зол. Он не знает, что такое человечность, мораль и принципы. Он показал себя во всей красе в первый день, и такого Джека я до ужаса боюсь.

Опускаю взгляд и молча жду, что же он решит. Сердце мое колотится, как ненормальное.

Когда он встает и проходит мимо меня, задев плечом, я вдыхаю его горьковатый запах в себя и чувствую головокружение.

– Хорошо, – говорит он, и я буквально слышу грохот, с которым падает с моей души огромный булыжник. – Я отправлю Марию, чтобы принесла тебе кое-какие вещи...

– У меня есть одно платье... – начинаю я.

– Нет! – рявкает он так грубо, что я вздрагиваю. – Подарки моего брата оставь при себе. Через полчаса жду внизу. Не опаздывай.

Когда за ним закрывается дверь, я опускаюсь в кресло, где он сидел, и медленно выдыхаю.

Глава 9

Мы никогда не покидали территории своей деревни.

Я росла с четкой уверенностью в том, что делать этого не стоит. Во-первых, потому что никто из известных мне людей не был за территорией, а во-вторых – границей деревни служила ультразвуковая сигнализация, которая срабатывала самым зверским способом.

Нам с Оливией было по девять, когда мы стали свидетелями попытки побега. Один старшеклассник пытался пройти через границу, и его тут же отбросило волной обратно на территорию деревни. Звук был такой, словно кто-то в полную силу дул в огромный тромбон или что-то вроде того. Я не знаю, с чем можно было бы сравнить это, но мы с Оливией, стоявшие на достаточном расстоянии, едва успели заткнуть уши ладонями, и то у меня два дня после этого болела голова.

Тот парень в ту же секунду потерял сознание. Когда мы с Лив подошли ближе, то заметили, что из ушей у него шла кровь.

Мы не знали, что там – за забором. До нас доходили слухи про оборотней, иногда мы слышали вой в лесах неподалеку, а бабушки и дедушки рассказывали нам легенды.

Но никогда еще легенда не была так близка ко мне, как сейчас.

Джек прислал для меня комплект одежды с Марией. Это невероятно красивая шелковая рубашка бордового цвета с жемчужными пуговицами и похожего оттенка укороченные брюки.

– Они с Ричардом что – подрабатывают стилистами на полставки? – удивляюсь я, когда мы с Марией оказываемся в комнате одни и запираем дверь.

Она сдержанно улыбается и помогает мне одеться. После чего усаживает напротив зеркала и собирает мои волосы в небрежный пучок.

– Ух ты, – восхищаюсь я, когда она заканчивает. Я и понятия не имела, что подобная прическа так сильно мне пойдет. Волнистые волосы, как пружинки, готовы вырваться наружу, но сила невидимок сдерживает их. Несколько непослушных прядей все-таки выбиваются из прически, и теперь кокетливо обрамляют мое лицо. – У тебя талант.

– Я хотела стать парикмахером до того, как... В общем, пока не попала сюда.

Я замечаю, как аккуратно она обходит тему своей покупки, и не развиваю ее, чтобы не тревожить девушку.

– Можешь рассказать мне что-нибудь о Джеке? Что-то, что пригодится мне за ужином?

Мария встречается со мной взглядом в отражении в зеркале.

– Джек любит порядок. Он очень точный, обязательный и пунктуальный.

– А что случится, если нарушить этот порядок?

– Я на твоём месте не стала бы проверять.

– И все-таки...

– Когда он зол, он... Выходит из себя. Может обратиться

и...

Я застываю. Лицо Марии тускнеет, и я не могу не спросить:

– Обратиться в волка?

– У хозяина Джека не такой хороший контроль, как у хозяина Ричарда. У него с этим проблемы.

– И что он может сделать, если обратится?

– Он... Перестает быть человеком. Если другие оборотни, обращаясь, осознают себя, то он – нет. В нем остается только зверь, который никому не подчиняется.

Внутри меня все леденеет от ужаса.

Если это действительно так, то Джек – самое опасное существо из всех, кого я знаю. Потому что волк, не контролирующей себя – это монстр.

– Но почему так случилось? – спрашиваю я. – Разве оборотни не учатся контролю с рождения?

Мария пожимает плечами.

– Должно быть, с ним все оказалось сложнее.

Я смотрю на себя в зеркало и пытаюсь понять, как это – не контролировать себя? Как это – просыпаться утром, не помня, что было в полнолуние? Должно быть, это просто ужасно.

Если так, то я должна быть осторожна.

Столовая представляет собой большой светлый зал, увешанный картинами, симпатичными светильниками и аккуратными цветочными горшками. Пожалуй, это самое уютное помещение из всех, что я здесь видела.

Четыре больших окна открывают шикарный вид на сад – на небольшой пруд с лебедями и высокие качели, выкрашенные в нежно-голубой цвет.

Джека в столовой еще нет – я пришла раньше него, и мне приятно осознавать это, учитывая слова Марии о его пунктуальности.

Я замечаю, что на большом столе не лежит никаких приборов, зато на маленьком круглом – у окна – расположились две тарелки и два комплекта вилок и ножей.

Значит, мы будем здесь вдвоем? Только я и Джек? А как же Ричард? Как же другие обитатели дома? Этот огромный особняк ведь не может служить жилищем только для них двоих?

Пока я раздумываю об этом, глядя в окно, позади меня раздаются шаги.

Я чувствую волнение, когда оборачиваюсь, чтобы поприветствовать Джека. Но ко мне по ступенькам спускается вовсе не он.

Это женщина. По виду – очень старая женщина, но назвать ее старушкой не повернется язык. Она одета так элегантно, и держит спину так прямо, что я и сама автоматиче-

ски выпрямляюсь, боясь на ее фоне выглядеть слишком сутулой.

У женщины длинные седые волосы, убранные в высокий хвост, а на лице – легкий макияж, который лишь подчеркивает ее природную красоту.

Скулы ее остры, а подбородок – вздернут. Весь ее вид выражает какую-то статью и грациозность, власть и силу.

Я понимаю, что превращаюсь в маленькую девочку рядом с ней, в крошечного ребенка, который ничего еще не смыслит в этой жизни.

В ее взгляде – мудрость, в ее осанке – гордость и страсть.

– Ах, вот ты какая, – говорит женщина, обращаясь ко мне.

Я оглядываюсь, не теряя надежды найти в этой комнате еще кого-то, с кем она могла бы говорить, но мы здесь одни.

– Здравствуйтесь, – приветствую ее и с трудом сдерживаю желание поклониться.

– Как зовут?

– Джульетта.

– Виски любишь, Джульетта?

Если честно, я шокирована. Я понятия не имею, кто эта женщина, но, судя по невероятному сходству с Джеком и Ричардом, судя по силе, которую она излучает – они точно ближайшие родственники.

И сейчас она, что, она предлагает мне выпить?

Пожимаю плечами.

– Не особо.

– Почему нет?

– Слишком крепкие напитки – не по мне.

Я стараюсь улыбаться, но, на самом деле, нервничаю так, что дрожат колени.

Женщина вскидывает брови, словно в жизни не встречала людей, которые не любят виски.

– Что ж, тогда шампанское?

Я не успеваю ответить, как на лестнице появляется Джек.

Он спускается быстрым шагом, но все еще словно плывет, как в первый день, когда я его увидела в саду. Дыхание у меня перехватывает, и я перевожу взгляд с него на женщину, не подозревая, что сейчас будет.

Судя по тому, как сильно он размахивает руками – он чертовски зол. Я внутренне сжимаюсь.

– Что ты здесь делаешь, мама? – резко спрашивает он, проходя мимо женщины.

Мама.

Вот оно что.

Это поразительно. Если им с Ричардом почти двести лет, то сколько же этой женщине?

Она не выглядит удивленной, увидев сына.

– Пришла познакомиться с Джульеттой.

– Познакомилась?

– Да.

– Уходи.

Меня возмущает то, как он говорит с матерью, но я в голо-

ве всплывают слова, сказанные Марией – об отсутствии контроля у Джека – и я молчу, просто наблюдая за происходящим.

Хотя, его мать, кажется, совсем не задета его словами. Она улыбается мне и даже подмигивает перед тем, как начать подниматься по лестнице.

– Еще увидимся, милая, – говорит она, и я чувствую какое-то невероятное тепло в свою сторону.

Но пальцы Джека, крепко сжимающие мой локоть, быстро приводят меня в чувства.

– Садись за стол, – он грубо подталкивает меня, словно я разучилась ходить.

Я с трудом сдерживаю желание нахамить ему и усаживаюсь на стул, обещая себе выдержать этот ужин и не сорваться.

Глава 10

Это определенно самый странный ужин на моей памяти. Не то чтобы их было много. В своей деревне мы жили скромно, ужинали тихо, в кругу семьи, а после расходились по своим комнатам.

Иногда после ужина мы с Аароном играли во дворе в мяч или звали соседскую собаку и бегали с ней по лесу. Этого мне всегда было достаточно.

Поэтому сейчас, когда одна служанка подает нам блюда, а другая – наливает шампанское в длинные бокалы, я ужасно смущаюсь, ведь они – такие же люди, как я. И по какому праву я должна сидеть здесь, как королева, пока они прислушивают мне?

Джек не разговорчив.

Он ест и иногда задает мне вопросы, которые кажутся совершенно бессмысленными. Например, какой была моя самая долгая прогулка, во сколько лет у меня выпал первый зуб или...

– Когда начались месячные?

Я давлюсь куском вареной спаржи.

– Что?

– Месячные. Когда они у тебя начались?

Я росла в простом окружении. Мальчишки называли друг друга дебилами, девчонки – перетирали друг другу кости на

переменах и соревновались в том, кто быстрее заведет себе парня.

Но даже они, такие безрассудные и юные, не додумались бы задать столь бестактный вопрос.

– Зачем тебе это знать?

– Мне нужно знать о тебе все.

Джек откидывается на спинку стула и смотрит на меня пристально. Его голубые глаза ярко горят в полумраке.

За окном уже темнеет. Мне нравится, как закатное солнце рассыпает малиновые лучи на готовящийся ко сну сад. Но мне не нравится быть здесь.

– Это отвратительно.

– Это нормально, – спорит он. – Все, что касается тебя, твоего тела, твоей природы – нормально. Как мне нормально быть на луну.

Это первый раз, когда он заговаривает о своей волчьей сущности при мне, и я бы обязательно завалила его вопросами, раз уж он сам начал, но я слишком зла.

– Я не собираюсь отвечать.

– Ты мастурбируешь?

Это уже ни в какие ворота...

Мой аппетит сходит на нет, и я отодвигаю от себя тарелку, демонстративно вытирая салфеткой рот.

– Спасибо. Я сыта.

– А я вот голоден, Джулетта, а ты не даешь мне насытиться.

Я понимаю, о чем он – не о еде. Он говорит об информации обо мне, которую я ему не даю, но почему-то его последняя фраза звучит так двусмысленно, что я краснею.

– Я могу пойти к себе? – спрашиваю, прекрасно зная ответ.

– Нет.

– Что ж, тогда я просто буду смотреть в окно.

– Ты не ответила на вопрос. Ты мастурбируешь?

Мне хочется воткнуть ему вилку в глаз.

Серьезно, очень хочется. Сделать так, чтобы он закричал от боли. И да, скорее всего, он быстро исцелится, а потом перегрызет мне горло, но эта секунда удовольствия будет стоить того.

– Чего ты добиваешься? – спрашиваю в ответ. – Что это за вопросы такие, боже?

– Нормальные.

Он выглядит так, словно разговоры о подобных вещах – это обыденность. Словно он ведет их всегда, круглые сутки напролет, за кофе с друзьями, например.

Это ужасно. Просто омерзительно, и я ненавижу себя за то, что полыхаю от смущения и негодования у него на глазах.

– Не вижу в этом ничего нормального.

Джек подзывает служанку, чтобы та добавила немного шампанского в наши бокалы, ей-богу, словно у него нет для этого собственных рук. Я вспоминаю, что мы с ним не одни, и от этого мне становится еще противнее.

Когда бокалы полны, он делает глоток и облизывает губы. Возможно, все дело в том, что он завел подобную (просто возмутительную) тему, но в какой-то момент я застываю, глядя на язык, скользящий по его нижней губе. Это длится всего секунду. Какую-то чертову секунду, но все мое тело вдруг вспыхивает от возбуждения, и я, к своему стыду и позору, чувствую, как трусики пропитываются влагой.

Боже, нет.

Что это такое?!

Что со мной?!

Просто груда эмоций, как булыжники, наваливаются на меня – злость, страсть, ненависть к себе, желание, ярость, ужас, стыд...

ОТ-ВРА-ТИ-ТЕЛЬ-НО.

Но еще отвратительнее то, что я знаю – Джек все видит и, что хуже – чувствует. Мое состояние. Мой запах.

Запах.

Господи.

Мне хочется провалиться сквозь землю, и я быстро отвожу глаза, рассматривая цветок в горшке на стене напротив.

Джек продолжает таким тоном, словно ничего не происходит.

– Видишь ли, Джульетта, я – не такой, как мой брат. Мы слишком разные.

– Я заметила, – произношу я и ужасаюсь от того, как хрипит мой голос.

– Сейчас тебе стыдно, – говорит он. – Тебе кажется, что я – озабоченный монстр во плоти, но вскоре ты поймешь, что мы похожи. Что ты – такая же, как я.

Мне хочется кричать, спорить, топтать ногами. Мне не хочется слушать его и не хочется верить в ту чушь, что он несет, но все, что мне удастся – это прошептать:

– Это совсем не так.

Я перевожу на него взгляд. Джек смотрит на меня, не моргая. Сейчас его взгляд (о, слава богу), не блуждает по ему телу, а задерживается только на лице. На щеках и губах. На глазах.

– Ты сама увидишь...

– Да что я увижу, боже?! – срываюсь на крик.

Джек вдруг наклоняется и касается моей руки своей. Пальцы у него оказываются неожиданно холодными, что совершенно противоречит теории о том, что все оборотни – горячие от природы.

– Не пройдет и пары дней, когда ты будешь скулить от желания. Ты будешь хотеть не моего брата, не его добрых поступков и пламенных речей, а меня. Только меня.

Он изгибает уголки губ, и это определенно самая страшная улыбка из всех, что я видела в своей жизни.

– Этого не будет.

Я встаю, и стул с грохотом падает на пол.

Джек не останавливает меня, когда я поднимаюсь по лестнице, слишком громко стуча каблуками.

Я так возмущена, что практически бегу, не обращая внимания на то, что невидимки выпали из пучка, а волосы волной рассыпались по плечам. Щеки мои горят, дыхание сбивается, сердце колотится так, что, кажется, я вот-вот рухну без чувств.

Мне просто нужно побыстрее попасть в свою комнату.

Нужно остаться одной, взаперти, в хоть каком-то подобии личного пространства, подальше от Джека и...

От этих ужасных, постыдных мыслей.

Преодолеваю лестницу и коридор, вот она – дверь в мою комнату, я хватаюсь за ручку, но вдруг оказываюсь резко развернута и прижата к холодной поверхности спиной.

Это все случается так быстро и так неожиданно, что я успеваю только вскрикнуть, а потом...

Губы Джека накрывают мой рот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.